

ТВОИ СЫНОВЬЯ, РОССИЯ!

Бесспорно, величие России в её деяниях, в именах её создателей и, конечно же, воинов. Но не было бы величия Поля Куликова без коломенского или мценского ратника, величия Бородина без капитанов Тушинных, а Прохоровки – без сержанта Борисова и лейтенанта Шаландина.

Геростраты недавнего прошлого и дней сегодняшних расправляются не только с прошлым России, но и её будущим. Ещё совсем недавно устраивали они половецкие пляски на могилах предков, черня и великую историю, и великий народ. Ещё недавно с экранов не сходил торжествующий слоган «поколение, выбравшее пепси» как итог разлагающего воздействия на умы - это о наших детях девяностых, наделяя их бездуховностью и безыдейностью.

Поторопились отчитаться, спеша отработать не только выданные векселя на уничтожение зафлажкованной России, но и движимые страхом, что придётся держать ответ и за хулу, и за поломанные судьбы миллионов соотечественников. Впрочем, Россия для них только место рождения, но не Отечество.

Вопреки всему у России генетически велика генерирующая составляющая. И это поколение, и предыдущее, и последующее выбирало не только пепси, а на генном уровне выбирало совесть как мерило ценностей и поступков. У этого поколения не только тусовочная светская львица, давно набившая оскомину, не только эпатажная «золотая молодежь» - эти пена и накипь всегда были, но и Женя Родионов в своем величии духа и веры. Это наши мальчики, поспешившие в Осетию и Абхазию в августе 2008 года, осознавая, что именно там решается судьба России.

Для хулителей Отечества не настанет время покаяния, ибо покаяние – таинство людей совестливых. А вот те, кто верой и правдой служил народу своему, оставался верен присяге, до сих пор несут в себе чувство вины за то, к чему причастны не были.

В День защитника Отечества принято чествовать тех, кто прошёл дорогами Великой Отечественной, вспоминать «афганцев» и «чеченцев», ветеранов локальных войн и конфликтов, просто отдавших свой воинский долг Родине. Вообще принято поздравлять всех мужчин, хотя этой чести в неменьшей мере достойны и женщины.

Я расскажу всего о двух людях, для которых всю жизнь мерилом была совесть, оставшихся верными чести офицерской и высокому долгу служения Родине. И это не высокопарные слова, не патетика – они так жили и живут, а иначе и не умеют, да и не хотят.

Это твои сыновья, Россия! Твоя гордость!

ГЕНОССЕ ОБЕРСТ

С председателем общества советско-германской дружбы Адольфом Козанке советник 5 ракетной бригады национальной армии ГДР полковник Палло встречался нечасто – служба практически не оставляла времени. К тому же его положение – постоянный контроль как со стороны штази, так и со стороны советской армейской контрразведки - не очень-то располагало к личным внеслужебным контактам с немцами.

И всё же редкие протокольные встречи непременно незаметно переходили в задушевные беседы. Со стороны могло показаться, что встретились после долгой разлуки то ли отец с сыном, то ли старший брат с младшим и всё никак не могут наговориться. Может быть потому, что не было на устах дежурной карнеговской улыбки, а в глазах светились неподдельный интерес и искренность.

Что тянуло бывшего солдата вермахта, с гордостью носившего на пиджаке пять нашивок за пять штыковых атак – свидетельство солдатского мужества (это только киношные немцы болваны и трусы, а на самом деле тевтоны воюки прирожденные) к этому русскому полковнику? Может быть, это был мостик в его прошлое, может быть, подсознательное чувство вины за горе, причинённое его соплеменниками почти полвека назад народу, который умеет прощать.

Адольф Козанке знал, что отец геноссе оберста Леонида погиб в сорок третьем под Краснодоном. Именно там, где два года спустя уже он, попав в плен, познал шахтёрский труд. Потому и руки у этого интеллигентного на вид сухопарого пожилого немца оказались на редкость тяжелыми, с крупной вязью натруженных вен и сухими мозолями. А мальчишка, безотцовщина, не потерялся и пришел теперь в его страну не как завоеватель, а как соратник, товарищ, брат по оружию.

Как-то, прощаясь, Адольф на мгновение задержал в своей ладони руку Палло и, проникая в самую душу взглядом своих поблекших серых глаз, произнёс: «Удивительный вы народ, русские:

сами от голода аж светились, а нас, пленных, женщины ваши кормили».

Потом уже Палло удивлял немцев, когда извлекал припасённую галету и делил её на крохотные пять частей – ровно по числу находившихся с ним на рекогносцировке солдат и офицеров. Те шалели от неожиданности – оберст! полковник! делился с ними последней галетой, а не съедал её тайком.

Удивлял тем, что, не взирая на свои полковничьи погоны, не чурался грязной солдатской работы. Тем, что делился своими знаниями, а свои идеи щедро выдавал за их, оставаясь в тени.

Эта немецкая ракетная бригада стала для него родной, вжился он в её плоть и кровь, потому и стала она лучшей в гэдээровской армии. Через год к

трём советским орденам прибавился немецкий - «За заслуги перед народом и отечеством с мечами в серебре» да, как он сам говорит, отмахиваясь, паратройка «каких-то» медалей.

Геноссе оберст Леонид, как звали полковника Палло его немецкие коллеги, стал для них действительно товарищем. Когда настала пора возвращаться на Родину, провожать его вышла вся бригада, и офицеры - немецкие офицеры! - не скрывали слёз. Потом они приезжали к нему в гости в Союз, он ездил к ним - завязала судьба тугой узелок. Да только разрубили этот узелок по-живому Горби и уже тогда холуйски заискивающий перед Западом старая лиса батону Эдуарду, который спустя всего несколько лет развяжет кровавую вакханалию в Абхазии.

Народ мы, наверное, действительно удивительный, только вот этому народу не повезло с властью: мало того, что свою страну зорила она похлеще батыевых полчищ, так ещё и предала верой и правдой служивших идее братства и Хоннекера, и антифашиста аса разведки Маркуса Вольфа, и сражавшегося за нашу свободу и свободу своего народа на фронтах Великой Отечественной Войсеха Ярузельского, которому мы обязаны ещё и тем, что он не дал втянуть нас во внутривосточные разборки, не сделал для нас из Польши второй Афган. Да и мало ли кого предала российская власть в то окаянное время, а вот грех за эту иудину политику лёг и на наш народ.

Полковник Леонид Евгеньевич Палло вышел в отставку, едва разменяв «полтинник». Ему бы служить и служить, да только разваливаемая армия уже отказывалась от таких, как он, а страна отказывалась от своей армии, от той ещё, советской. Армия, которая может защищать и защищаться, страшила ту власть. А ведь этого полковника в его пятьдесят на трёхкилометровом кроссе не мог достать никто из его бригады - ни двадцатилетние бойцы, ни прапоры, ни лейтенанты и капитаны.

Сейчас гвардии полковник ракетных войск и артиллерии Леонид Евгеньевич Палло, внук ссыльного, сын красноармейца, кавалер четырёх орденов и множества медалей, создатель и испытатель одной из оперативно-тактических ракет, работает ... электриком в арбитражном суде. И не потому, что нужда заставила, нет. Просто он не может не быть нужным людям. Потому, что именно с таких, как он, жизнь пишут. Потому, что без таких, как он, надёжных и верных, не быть России завтрашней.

СТАР МУШАВЕР

Из Указа Президента Российской Федерации от 23.11.2009 г. № 1337

«...За активную общественную работу по социальной поддержке ветеранов и патриотическому воспитанию молодежи наградить

Медалью ордена «За заслуги перед отечеством» II степени:

Шевченко Владимира Александровича, члена Ассоциации ветеранов боевых действий органов внутренних дел и внутренних войск Белгородской области...»

Особняк графини Паниной располагался на улице, ведущей к городской площади, почти в центре Бирюча, тогда ещё посёлка Красногвардейское.

Некогда красивое кирпичное здание со временем осело, вросло в землю, вымощенная булыжником проезжая часть улицы чуть ли не на полметра поднялась, осаживая разместившиеся вдоль неё и дома, и деревья.

Бирюченцы этот старинный особняк особо не жаловали, несмотря на его архитектурный изыск, и норовили обойти стороной при удобном случае. Может быть потому, что стены его напитались болью и страхом репрессий тридцатых годов. Может быть потому, что немцы в оккупацию разместили здесь гестапо, через застенки которого немало прошло и подпольщиков, и пленных красноармейцев, и местных жителей.

Малочисленная районная милиция после освобождения города вновь заняла графский особняк, казавшийся тогда достаточно вместительным, со сбегаящим к саду двором за высокой каменной оградой, конюшней на две «линейки» и коновязью почти на дюжину лошадей. Время от времени сотрудники, особенно по весне, обкапывая старые яблони, находили то царской чеканки монеты, то остатки фарфоровых сервизов, а однажды почти целую статую Венеры Милосской из белоснежного мрамора, которая потом ещё долго хранилась в школьном музее.

Но почти за три десятка послевоенных лет многое изменилось, и разросшемуся райотделу давно уже стало тесно в мало приспособленных барских комнатах, переделанных под кабинеты. И хотя огромные, вмурованные в стены чугунные печи исправно грели, метровые кирпичные стены зимой хранили тепло, а в летний зной – прохладу, время требовало перемен. Менялись начальники райотдела, но так никто из них и не решился изменить довольно рутинную жизнь сельской милиции.

Руководитель вообще, а начальник милиции тем более, не обязан нравиться – его дело организовывать, ставить задачи, требовать исполнения, ну и, конечно же, быть психологом. Этих качеств с лихвой оказалось у

вновь назначенного в семьдесят втором начальником райотдела Владимира Александровича Шевченко.

Наверное, по тем временам он был исключением из правил – молодой, цепкий, с пронзительным взглядом, всего лишь старлей, в подчинении которого ходили капитаны, майоры и даже подполковники, да ещё бывшие фронтовики.

А он, ломая стереотипы, но не людей, меняя психологию сотрудников, лепил по одному ему известным лекалам, зачастую интуитивно, единый профессиональный организм, спаянный дисциплиной, ответственностью, долгом и совестью. И ему поверили, за ним пошли. Да и не могли не пойти, потому что он был лучшим среди них, потому что он не прятался за их спины. Он приходил раньше всех и уходил позже, зачастую за полночь. Он выезжал на места совершения преступлений и задержания, хотя мог этого и не делать. Он всегда придерживался принципа, что место командира - впереди и что он должен уметь делать всё, что умеют подчиненные, но только гораздо лучше их.

Его жесткость и требовательность были известны, и не всем это нравилось, но к себе он был требовательнее на порядок выше.

С его методами могли не соглашаться, могли сопротивляться, его могли не любить и бояться, но не уважать его, не восхищаться им было нельзя.

Может быть, поэтому в его бытность начальником управления белгородская милиция отличалась профессионализмом. А ещё ей доверяли, ей верили простые люди, потому что верили в её начальника.

Он был и остаётся человеком, всегда имеющим своё мнение, свою позицию, зачастую вопреки власти предрешающим.

Но вернёмся туда, в прошлое, в год семьдесят второй. Поначалу он жил в районной гостинице, именуемой Домом колхозника. Даже по тем меркам это было довольно ветхое бревенчатое строение, едва дышащее на ладан, вросшее в землю и покосившееся. Достаточно сказать, что непременным атрибутом мебелировки его комнаты были три огромных таза, в дождь или оттепель до краёв наполняемые мутными ручьями жижи пополам с потолочной штукатуркой.

Хотя этот «отель» давно был бельмом на глазу у местной власти, но руки всё не доходили, да и местная казна отличалась скудостью.

Места для строительства новой милиции не находилось. В областном управлении по поводу инициативы нового начальника пожали плечами: денег нет. Не нашлось их и в районном бюджете, но разве это могло остановить Шевченко?

То, что он надумал, было, на первый взгляд, абсолютно авантюрно, но это только на первый взгляд. Он знал одно: тяжелый бюрократический маховик только тогда раскрутится вовсю, когда он взорвет изнутри вялотекущую провинциальную жизнь, сделает что-то необычное, из ряда

вон выходящее, за пределами понимания чиновника. И психологически точный расчёт оказался снайперским попаданием, хотя всё могло быть с точностью до наоборот.

Наверное, помогло и то, что его генерирующая энергия создала коллектив единомышленников, готовых идти за своим начальником в огонь и воду. В общем, никто «ломать» ни Шевченко, ни его сотрудников не стал, хотя его милицейская карьера могла на этом закончиться.

... Путь председателя райисполкома от дома на работу пролегал мимо гостиницы. Настроение было под стать утру – солнечному, мягкому и даже безмятежному.

На пересечении двух центральных улиц, упирающихся в площадь, вызывающе бросалась в глаза огромная плешина пепельно-серой земли, ни травинки, ни кустика, ни тем более пресловутого «Дома колхозника».

Предрик оторопел, на мгновение зажмурился, помотал головой, словно отгоняя наваждение, и вновь открыл глаза – гостиницы не было. Оставшиеся две сотни метров он преодолел трусцой, поминутно оглядываясь, но гостиница не появилась.

В приёмной переминались с ноги на ногу большие начальники и рангом поменьше.

- А начальник милиции гостиницу сломал, - вскочила с места секретарь.

Предрик облегченно вздохнул: не померещилось, значит.

- Как сломал?

- За субботу и воскресенье. Камня на камне не оставил, то есть ни брёвнышка. И место сравнял.

- Ко мне его, немедленно! - голос предрика стал обретать привычный металл.

Начальник милиции появился спустя полчаса, в форменной рубашке и галифе, с играющими бликами на вычищенных сапогах и чуть сдвинутой набок фуражке. Всем своим видом он чем-то напоминал шолоховских казаков: и бравастью, и читающей в лице строптивостью, и пронзительным взглядом агатовых глаз.

- Твоя работа? Кто позволил? – предрик стал заводиться с порога.

- Вы, в пятницу. Сами же сказали, чтобы этой развалюхи к понедельнику не было. Сказали, что лучшего места для милиции не найти.

Предрик не помнил, был ли такой разговор вообще, но разве признаешь даже себе, что в его вотчине без его ведома кто-то смеет самоуправство чинить.

- Нахал, - только и выдохнул предрик, уже остывая. – Ладно, пойдем к первому.

Когда они вошли в здание райкома – предрик на полшага впереди, начальник милиции чуть сзади, попадавшие в коридоре чиновники лишь едва кивали Шевченко: всё, битая карта.

Первому секретарю уже обо всём доложили, поэтому он встретил их без горячки.

- Ты, Владимир Александрович, хуже махновца. Это ж надо: целый век здание простояло, две революции, две войны выстояло, а тут нашёлся умник и за двое суток по брёвнышку раскатал. А вообще-то за решительность хвалю, иначе этот сарай ещё долго бельмом бы маячил. Ладно, садись, помозговать надо.

Через час отдел архитектуры, оставив все дела, засел за проект, а строительные начальники уже сколачивали бригады.

Немыслимо, но через год милиция переселилась в новенькое трехэтажное, по тем временам суперсовременное, здание. Не будь Шевченко, новоселье затянулось бы лет на десять, не меньше.

Спустя несколько лет он также аврально, вопреки всему, отгрохает четырехэтажное здание для Белгородского райотдела. Пятый этаж не разрешила обкомовская власть: выше партии быть нельзя.

... Вообще-то с властью отношения у Шевченко никогда не отличались трогательной теплотой. Может быть и поэтому его карьерная судьба складывалась не всегда безоблачно. Там, где другой бы отступил, где поступился бы принципами, Шевченко оставался верен себе, совести, долгу офицерскому.

Авторитет его в районе был непререкаем. До сих пор помнят бирючане, что без него не начиналось ни одно бюро райкома – сидели и ждали. Никакой другой милицейский начальник такой детали в своей биографии не найдет.

Помнят, как учил милиционеров наводить стрелку на форменных брюках – палец обрежешь. Как впервые в области ввёл строевые занятия и однажды по площади, печатая шаг, прошла милицейская парадная коробка под восхищенные взгляды горожан.

Помнят, как свояк первого, человек заслуженный, фронтовик, орденосец, обматерив ни за что, ни про что сотрудников милиции – водка нашу дурь завсегда наружу выпирает, лично начальником милиции был доставлен в суд. И когда судья, тоже фронтовик, хватаясь за сердце, чуть ли не умолял его дать доработать ему до пенсии, отступить, не гневить власть партийную и хотя бы ограничиться штрафом, Шевченко позвонил начальнику управления:

-Или свояк будет арестован на все пятнадцать суток, или слагаю с себя полномочия. Народ верит в закон и справедливость.

Вот здесь пресловутое «телефонное право» обратилось другой стороной медали – свояку вкатили по полной, все пятнадцать суток.

Через два дня первый секретарь позвонил ему и пригласил на встречу. За длинным столом расположился весь районный партхозактив. Первый секретарь поднял первый тост за.... Шевченко.

- Пока я первый, именно он будет начальником милиции, иначе нас в узде не удержат.

...В апреле восемьдесят второго года с одного из московских аэродромов в вечернее небо поднялся самолёт, борт 3817, держа курс на Кабул. У иллюминатора, глядя в черное беззвездное небо, сидел Шевченко, представитель МВД СССР в Афганистане, советник царандоя – афганской милиции. Позади блестяще начатая карьера, ещё майор, но уже заместитель начальника областного управления, впереди – война и неизвестность.

Вообще-то должен был ехать не он, но так уж получилось, что у кого-то резко пошатнулось здоровье, у кого-то нашлись покровители, у кого-то неотложные дела здесь, в области. А он не стал искать поводов, чтобы остаться. Остаться - значит пойти против совести.

Поселился в квартале, занимаемом советскими специалистами. Трёхкомнатная квартира – такую бы в Белгороде, персональная машина с персональным водителем-афганцем и переводчиком-таджиком, под контролем – шесть кабульских районов, куда после обеда местная милиция и нос не совала, днём жара под сорок, ночью и в бушлате не согреться – это только малая толика афганской прелести. По утрам выметал с балкона с десяток автоматных пуль, а из зала осколки оконного стекла – каждую ночь расцветчивали трассеры черное кабульское небо.

За дело взялся с присущей энергией и нешаблонностью. К месту службы от дома – почти десяток километров – добирался часам к шести утра, пока город только просыпался. К появлению местного царандоевского начальства он уже успевал встретиться с агентурой, составить аналитическую записку и передать её представителю ЦК, так что информация от представителя КГБ свежестью уже не отличалась. Последний отомстил просто – изымал те редкие весточки, что направлял Шевченко домой. Благо его вскоре отозвали в Союз, а с новым уже всё было нормально.

С пятницы до понедельника душманы «отключали» Кабул от электричества – взрывали опору и город погружался в мрак. К этому привыкли и даже смирились, но только не Шевченко. В понедельник он зашел в Рашиду, заместителю руководителя кабульского царандоя, и позвал с собою. Рашид ничего не сказал, только в машину прихватил с собою вместе с привычным автоматом с десяток гранат.

Чем дальше от центра Кабула, тем власть слабее и слабее, а на окраинах и вовсе принадлежала старейшинам родов, а то и полевым командирам.

В тот день этот неистовый русский объехал с полдюжины родов, живших вдоль линии электропередач и контролировавших её, переговорил со старейшинами, пораженными его бесстрашием, – один ведь приехал, без охраны, когда сюда местная власть без батальона охраны не совалась, и

договорился, что отныне в Кабуле свет будет всегда. Афганцы слово сдержали.

По возвращении Рашид положил руку ему на плечо:

- Дорогой стар мушавер (*старший русский*), обещаю, что больше ты так поступать не будешь. Аллах поразился твоей смелости и отпустил тебя, но в другой раз он сочтёт это дерзостью. Даже мы без охраны не ездим, это очень опасно.

- А что же ты раньше не сказал? – улыбнулся Шевченко.

- Не хотел, чтобы ты счел меня трусом. У вас мать или жена, отправляя мужа или сына на войну, молится, чтобы он вернулся живым. Наши афганские женщины молятся, чтобы позор трусости мужа или сына не пал на их род.

Со стороны могло показаться, что стар мушавер будто играет с судьбою в прятки, но он просто не мог иначе. Афганцы сварили для него специальное кресло-футляр из толстенной стали – автоматные очереди прошивали машину насквозь, но пули ссыпались к ногам, остановленные этой преградой.

Вскоре за ним началась настоящая охота – заполучить его желала не только оппозиция, но их зарубежные хозяева. Сначала за его голову назначили неслыханную сумму – два миллиона афгани, а потом стали отслеживать каждый его шаг. А он, особо не страшась, лишь добавив к арсеналу автомат да пару гранат, изредка прихватив пару спецназовцев, колесил по Афгану, налаживая работу царандоя, проверяя и перепроверя агентурную информацию, организовывая перехват караванов с оружием и операции по ликвидации банд. И всегда был верен принципу спецназа – не спрашивай, сколько врагов, а спрашивай, где они.

Восток – дело тонкое, и афганцы нередко сводили счёты друг с другом руками и шурави, и своих хадовцев (*сотрудников безопасности*) и царандоевцев. Стар мушавер Шевченко требовал проверки и перепроверки поступающих от агентуры сведений, тщательно отсеивая всё сомнительное, иначе после операции в заброшенном гранатами и исполосованном очередями доме на поверку окажутся детские да женские искромсанные взрывами тела, а не душманские головы.

В Кабул пришла осень, точнее, едва заглянула, принеся ночную стылость. В тот день он вместе с Сейфулло, начальником кабульского царандоя, возвращались из дальней поездки. Ехали, разговаривали, когда Сейфулло вдруг побледнел: «уазик» догоняли две «тойоты», набитые до отказа вооруженными людьми.

Пули разорвали покрышки, пробитый бензобак и охваченная пламенем машина на полном ходу врезалась в дувал. Отстреливаясь короткими очередями, они бросились по высохшему арыку. Дыхание перехватывало – сказывалась нехватка кислорода, пот выжигал глаза, а надо было не просто видеть, а ещё и стрелять, скупно, расчётливо и в цель. Сначала тупо ударило

под лопатку – ещё бы чуть-чуть и в самое сердце, потом в ногу. Их уже почти взяли в кольцо, уже слышались торжествующие крики, но они всё-таки вырвались, расчистив путь гранатами.

На этом его афганская эпопея закончилась. Потянулась череда госпиталей, а когда выписали, то ждало новое назначение – главным инспектором управления кадров МВД СССР.

Потом он вернётся начальником управления в область и это будет славная страница истории белгородской милиции.

В отставку Владимир Александрович Шевченко уйдет с должности первого заместителя председателя Арбитражного суда Белгородской области.

Восемнадцать медалей, в том числе две афганские, десятки благодарностей и грамот, звание почетного гражданина Красногвардейского района – вот только малая толика наград, отметивших его путь офицера и гражданина. Но он и сейчас продолжает служить на благо земли белгородской, на благо России: его знания оказались востребованы в качестве референта губернатора по правовым вопросам. А ещё – способность довести до конца начатое, верность слову и долгу, чести и совести, верность и преданность России.

Сергей Александрович БЕРЕЖНОЙ,
заместитель председателя Арбитражного суда Белгородской области,
член Союза писателей России.